

ские эмигранты занимают свои места — многие и в чисто военном смысле — по разным линиям фронта. Всякое единство эмиграции при этих условиях перестает существовать. Между русскими гитлеровцами и нами такая же пропасть, как между нами и коммунистами. По счастью, не все еще сделали свой выбор, и выбор не всегда — окончательный. Борьба за спасение русских людей — для России и для духовного мира — является единственной доступной большинству из нас и совершенно настоящей формой нашего служения родине и свободе.

Испанская трагедия перед судом христианской совести¹⁾

Испанская проблема представляется более сложной для христианского сознания, чем проблема русская или германская. Отношение к фронту генерала Франко, который прикрывает католичеством свое кровавое насилие над несчастным испанским народом, есть пробный камень христианской совести. Французские католики разделились по оценке Франко. Лучшие католики Франции очень болезненно почувствовали отвратительную ложь в том, что Франко выставил на своем знамени католичество. Франко много хуже Гитлера и Муссолини, которые все-таки опирались на какое-то движение внутри страны, не истребляли своей страны и не убивали своего народа при помощи иностранцев. Фронт Франко называет себя национальным, в то время как он состоит главным образом из итальянцев, немцев и арабов. Остроумна и справедлива была карикатура: Франко в беспокойстве разводит руками и говорит: «Я не могу быть спокоен, пока хоть один испанец останется на моем фронте». Война, которую ведут «нацио-

¹⁾ Статья эта была написана до занятия ген. Франко Барселоны. Но это ничего принципиально не меняет.

налисты» франкисты, была объявлена «священной» войной. Она «священна», потому что ведется яко бы против коммунизма. Идея «священной» войны вообще есть ложь и соблазн, война никогда не бывает «священной», как не бывают «священными» никакое государство, никакая власть, никакое насилие. Война же испанская есть, слишком очевидно, классовая война господствующих классов, поддерживаемых церковной иерархией, против испанского народа, против народного фронта. Если что-нибудь может быть названо «священным», так это героизм испанского народа в его борьбе. Я не думаю отрицать, что было много дурного сделано анархистами и коммунистами на республиканском фронте, не думаю отрицать безобразия религиозных гонений, расстрела священников, сжигания храмов, хотя правительство пыталось с этим бороться. Красная революционная Испания имеет то огромное преимущество перед так называемыми националистами, что она не провозглашает себя католической и потому не обязана следовать заветам Христа. Фронт Франко провозглашает себя прежде всего антикоммунистическим фронтом, этим он придает идеологический характер своей борьбе и хочет вызвать широкия симпатии. Но антикоммунистический фронт вообще есть ложь и шантаж. Это не идейный и не бескорыстный фронт, он состоит или из защитников капитализма и несправедливой собственности или из фашистов, которые повсюду хотят ввести свою собственную жестокую диктатуру, повсюду хотят истребить свободу. Быть идейным противником коммунизма совсем не значит принадлежать к антикоммунистическому фронту. Я могу вести духовную борьбу против коммунизма и как раз обличать в нем фашистские черты, но к антикоммунистическому фронту могу не принадлежать вследствие нежелания быть в дурном обществе. В международной политике сейчас происходит грандиозный шантаж на почве борьбы с коммунистической опасностью, этим прикрывается воля к могуществу и к насилию и очень облегчается реализация своих экономических и национальных интересов. Национализм есть также

прикрытие самых безобразных вожделений, самых зоологических инстинктов. Можно удивляться, если в наше время находятся еще люди, которые могут верить всей этой лжи.

Испанское католичество имеет ужасное прошлое. Именно в Испании католическая иерархия была наиболее связана с феодальной аристократией и с богатыми. Испанские католики редко становились на сторону народа. В Испании наиболее расцвела инквизиция. Для народных масс, для угнетенных создались очень тяжелые ассоциации с католической церковью. Христианам приходится теперь расплачиваться за грехи прошлого, за измену Христу. Странно было предположить, что час расплаты никогда не наступит. Странно, что в нынешний час истории находятся еще христиане, которые думают, что католическая (или православная) вера может сохраняться лишь при поддержке государства и при привилегиях, связанных с богатствами. Это есть неверие. Испанские кардинал Сота, роль которого отвратительна в испанской войне, и который и наименовал «священной» войну генерала Франко против испанского народа, считал возможным сказать: «*La richesse est la force et le lien de tout système social et politique*». Этим он цинически обнаружил буржуазно-капиталистическую подоплеку своей яко бы католической деятельности. Роль епископов в испанской трагедии вообще была отвратительна, за исключением трех. Редки такие епископы, как Mugica, который сказал: «*Je préfère une Eglise persécutée à une Eglise en esclavage*». Большая часть священников в республиканской Испании вели активную борьбу против народа и стреляли из церквей, превратив их в крепости, они стали военными фронта Франко. В лагере франкистов пролитие крови на войне приравнивалось евхаристической жертве, что есть настоящее кощунство. Происходили крещения танков и наречения их именем Божьей Матери. Появление таких книг, как книга известного романиста Bernanos'a, католика и правого, «*Les grands cimetières sous la lune*», свидетельствует о том, что в современном ужасе сохранились люди с чуткой со-

вестью, не потерявшие чувства правды и созания чести. Эта книга есть страстный обвинительный акт против того, что происходило на фронте Франко. Очень интересна и поучительна книга «Le Christ chez Franco» Raymond'a Alcala, которая и послужила поводом для написания этой статьи. Книга эта представляет собой собрание документов и притом почти исключительно католиков, часто сочувствовавших Франко и в ужасе отшатнувшихся от его дела. Книга рисует положение католичества в завоеванных им частях Испании. Обыкновенно думают, что положение католичества ужасно в республиканской Испании. Но вот оказывается, что у Франко, выставляющего католичество лозунгом в борьбе, положение это не лучше и даже сейчас хуже. Об этом свидетельствуют сами католики. Книгу Alcala особенно полезно прочитать русским, среди которых преобладают отвратительные настроения по отношению к испанской войне, отчасти основанные на незнании и нежелании знать.

Положение независимого католического духовенства в Испании Франко ужасное. В книге «Le Christ chez Franco» приводятся слова одного иезуита, что, если бы священники были в оппозиции Франко, то они все были бы расстреляны. Баски — очень верующий католический народ, но они вместе с тем демократы и республиканцы. Это делает положение басков очень тяжелым. Архиепископ Бургоса отлучил басков. Священники-баски подверглись настоящему гонению. В книге Alcala приводится довольно точная статистика гонений Франко против священников и монахов басков. Епископ Mugica, который предпочитал, чтобы церковь была гонима, чем порабощена, был изгнан. Большое количество священников и монахов было расстреляно или посажено в тюрьму. В Vittoria 287 духовных лиц пало жертвой гонений. В диоцезе Vittoria санкции были применены к 2.017 священникам. Независимое слово Церкви не допускается у Франко. Малейший суд христианской совести над жестокостями, ничего политического в себе не заключающий, сопровождается расстрелами. Церковная иерархия превращена в послушное ору-

дие гражданской войны. Убивают врагов во имя Божье, но, когда во имя Божье протестуют против зверских убийств, то за это тоже убивают. В Испании Франко даже месса делится на белую и красную, и месса, которую служил священник-демократ, не считается действительной. Церковный культ тесно соединяется с орудиями убийства. Врагов, а таковые все не сочувствующие Франко, иногда погребали живыми. Отказывались исповедывать трех детей басков, потому что родители не франкисты. Трудно перечислить все ужасы и безобразия. В Испании очень почитается образ Св. Иакова, который побеждает мавров. Образ этот, очень популярный в народе, хотели сохранить. Это образ воинствующего католичества, в нем св. Иаков сражается с врагами христианской веры. Но пришлось изменить этот образ. Франко ведет войну при помощи арабских войск, т.е. тех мавров, которых победил св. Иаков. Поэтому сначала мавры были совсем стерты на образе. Потом сделали еще большее изменение. В последней трансформации образа на белой лошади св. Иакова находится уже мавр, побеждающий красного испанца. В книге *Alcala* приведены фотографии этого образа. Это символически показывает отношение к католичеству Франко и его фронта. Многие католики съездили на фронт Франко, вначале ему сочувствовали, и вернулись не только разочарованными, но в ужасе от увиденных безобразий. Даже официальная правая католическая газета «*La Croix*» печатает статьи, обличающие действия франкистов, унизительные для католической церкви и для христианства. Во Франции нашлись католики, которые правду поставили выше интересов, выше распространенных католических предрассудков. Необходимо особенно отметить Маритена, самого выдающегося католического мыслителя Франции, который ведет борьбу за правду и за это подвергается оскорбительным нападениям. Так и Мориак, менее определенный и не сочувствующий красным, ведет себя благородно в испанском вопросе. В католическом мире всегда находятся подобные люди. Есть часть католиков, которая борется за социальную справедливость и за сво-

боду суждения христианской совѣсти о происходящем в мире. К стыду нашему, нужно сказать, что этого почти нет в мире православном, который находится в состоянии косности. Православного голоса не слышно. Осуждается только большевизм и благословляются правые течения. Румынский патриарх стоял во главе правительства, что само по себе чудовищно и вряд ли согласно с канонами, и в качестве власти совершает кровавые насилия. В Румынии обнаружился даже православный расизм, что невозможно в католичестве, которое все-таки не забывает о христианском универсализме. Карловацкий митрополит Анастасий пишет приветствие Гитлеру, который преследует христиан. Православная церковь не возвысила своего голоса против оргии антисемитизма, против бесчеловечности расистских доктрин в защиту достоинства человеческой личности и свободы духа, в то время как католическая церковь в лице папы это сделала. И нет ничего более несправедливого, чем относить все ужасы, зверства и кощунства, которые творятся на фронте Франко, на счет католичества, что православные любят делать.

В нашу эпоху все оценки искажены аффектами и делаются не по существу. В создавшейся ложной и лживой атмосфере очень повинен русский коммунизм, который совершил слишком много насилий и жестокостей, напугавших и людей, сочувствующих социализму. Средства, допускаемые коммунистами, вызвали сомнение в доброкачественности самих целей. При помощи тирании нельзя осуществлять царство свободы. Главное зло, совершенное русским коммунизмом, быть может, заключается в той реакции страха, которую он вызвал в мире. Коммунизм вызвал к жизни фашизм, захвативший большую часть Европы и даже мира. И нужно сказать, что сходство между этими смертельными врагами поразительное. Коммунизм вызвал реакцию страха утери своей собственности и своего положения в обществе, но реакция эта научилась методам борьбы, практиковавшимся самим коммунизмом. Наиболее ложными представляются мне обычные суждения, обличающие коммунистические безбожие.

Не коммунизм выдумал безбожие. Буржуазное общество давно уже есть общество безбожное, не только в своих сознательных идеях, но и в своей жизни, что гораздо важнее. И христианство приспособившееся к этому обществу, давно уже не есть настоящее христианство. Это христианство было настоящим соблазном для малых сих. Таков, например, евхаристический конгресс в Будапеште, который превратился в воинствующий лагерь генерала Франко. Существует специальная молитва франкистов, в которой между прочим говорится — «я верю в Франко, человека всемогущего», и «я верю в собственность». Вера в Франко и вера в собственность более искренняя и более подлинная, чем вера в Бога и Христа. Фалангисты, которые есть настоящие испанские фашисты, враждебно относятся к Ватикану и даже готовы порвать с католической церковью. Это сближает их с германскими наци и это лучше, чем прикрывать себя католичеством. В той лживой атмосфере, в которой приходится сейчас жить, коммунистами считают всех, находящихся на стороне республиканской Испании. Некоторые по невежеству и ограниченности считают всех демократов, социалистов и анархистов-синдикалистов коммунистами, но большинство делает это смешение для целей демагогических, чтобы внушить страх перед всеми испанцами, не покорившимися Франко. Это частный случай той лжи, которая делит мир на фашистов и коммунистов. Участие русских коммунистов в испанской войне искажает перспективы и питает ложное о ней суждение. Можно только сочувствовать тому, что советская Россия помогла испанскому народу, послав авионы, и можно только сожалеть о том, что демократические государства этого не сделали своевременно. Отказываясь помочь испанскому народу, Франция нанесла себе страшный удар. Но вместе с авионами прибыли в Испанию агенты Г.П.У., они начали разыскивать «троцкистов», организовали шпикнаж, сажали в тюрьмы и расстреливали, возбуждали процессы, схожие с московскими. С ними не легко бы бороться испанскому правительству. Вся атмосфера исказилась. Правительство Negrin'a, кото-

рый заслуживает сочувствия, сделало попытку установить в Испании религиозную свободу, это отчасти удалось ему, хотя не вполне, так как трудно справиться с бушующей стихией. Во всяком случае республиканское правительство в принципе более признает религиозную свободу, чем правительство Франко, которое в принципе ее отвергает. Мораль испанского опыта та, что церковь ни в коем случае не должна пользоваться услугами сомнительных и злых сил, если не хочет быть порабощенной. Христиане не могут участвовать в ненависти. Это не значит, конечно, что они должны оставаться нейтральными и не участвовать в борьбе.

Христианство было чудовищно искажено в угоду человеческим интересам, оно было приспособлено, обезврежено, порожденные им конфликты сглажены, его сделали религией, подходящей к среднему человеку, который желает господствовать в жизни. Социальные влияния постоянно давили на церковь, государство постоянно требовало, чтобы церковь его обслуживала, и это деформировало даже самую христианскую доктрину. За религиозно-церковной борьбой скрывались экономические интересы и империалистическая воля к могуществу. Религиозный феномен был также феноменом социологическим и религиозная социология на многое может пролить свет. Отношение между верующими христианами и воинствующими атеистами гораздо сложнее, чем думают официальные христиане. Атеисты могут быть лучше тех, которые почитают себя ортодоксальными христианами, справедливее, человечнее, свободолюбивее, бескорыстнее, жертвеннее. Чернышевский был атеистом, но он был близок к святости, в то время, как средние православные стояли на довольно низком моральном уровне. Человек может сделаться атеистом из интеллектуальной добросовестности, от искания истины, от невозможности примириться со злом и страданиями мира. Атеизм может быть диалектическим моментом богопознания, очищением богопочитания от элементов идолопоклонства. Не тот настоящий христианин, кто говорит «Господи, осподи» и творит дела

злости, ненависти, мести, убийства. Христианин лишь тот, кто творит дела, к которым призывал Христос. В марксизме есть много отрицательного и подлежащего критике, философия марксизма для нас неприемлема. Но социальная правда во всяком случае более на стороне марксизма, чем на стороне феодально-капиталистического христианства кардинала Сота и генерала Франко. Евангельский призыв любить врагов обыкновенно понимается сентиментально и в сущности не принимается всерьез. Между тем как в нем заключается глубочайшая истина о выходе из магического заколдованного круга ненависти и мести, из которого труднее всего вырваться человеку. Любовь к врагам есть освобождение, отказ от подчинения закону мира. Закон мира есть закон ненависти и мести. Христос гооврит вовсе не только о врагах «личных». Это было слишком выгодное оппортунистическое истолкование. Евангельская истина относится и к врагам религиозным, национальным, социальным, идейным. Истолковывать любовь к врагам так, что это не относится к тем, кого вы реально считаете своим врагом, есть порождение человеческой хитрости. Враги большевиков ни за что не согласятся признать их теми врагами, которых Евангелие призывает любить. Большевиков считают нужным убивать, пытаться, погребать живыми и даже признавать это истинно католическим и православным делом, признавать свою ненависть священной. Но это есть совершенно то же, что ненависть к «классовому» врагу, проповедуемая коммунистической моралью. Нет не то же, а в тысячу раз хуже, ибо коммунисты имеют преимущество не быть христианами. Христианам не все дозволено, даже слишком многое не дозволено, для христиан и «классовый враг» остается человеком. Различие между личной и социально-государственной моралью есть лицемерие и корыстная ложь. Не думаю, чтобы безобразный в своей социально-государственной морали ген. Франко мог быть хорошим христианином в своей личной морали. Пора, наконец, решительно заявить, что всякая личная мораль социальна, всякая социальная мораль лична. Жестокость, убийства,

коварство, лживость политических деятелей, есть просто жестокость, убийства, коварство, лживость человека, есть просто преступность, свойственная впрочем большей части «государственных» деятелей. Эти деятели, иногда признанные «великими», стоят ниже не только евангельской морали, — все ниже ее, а и морали просто человеческой, просто морали, делающей различие между добрым и злом.

Нельзя оправдывать религиозные гонения, хотя бы гонимые были виноваты, все гонители отвратительны и низки, отвратительны гонители, почувствовавшие свою силу. Но всего отвратительнее гонители, которые сознают себя христианами. Христиане должны прежде всего сознать свою вину и покаяться. Вместо этого находятся христиане, которые сочувствуют генералу Франко и его каинову делу. Так еще раз совершается измена Христу и еще раз наносится страшная рана христианству. Необходимо не только личное покаяние, которое легко превращается в условную риторику, необходимо социальное покаяние, покаяние в социальных грехах и неправде, покаяние церквей. Духовно бороться против коммунизма имеют право лишь те, которые обличили социальную неправду, породившую коммунизм. Остро ставится в наше время вопрос об отношении христианства к государству и политике. И слишком многие христиане приходят к легкому и упрощенному решению, которое пагубно для христианства и от которого более всего нужно предостеречь: христианам предлагают быть за то государство, которое будет защищать Церковь, покровительствовать ей и ставить ее в привилегированное положение, они должны быть за такую политическую партию, которая на своем знамени выставляет церковь и сулит людям церковным разные блага. На это нужно сказать: христиане никогда не должны стоять за подобное государство, которое хочет превратить церковь в свое послушное орудие, никогда не должны стоять за подобные партии, которые хотят использовать в своих интересах церковные силы. Это есть рабство церкви, гибель христианства в мире. Такого рода тоталитарное государство есть чума для христианства, хотя может быть выгодно для кня-

зей церкви. Государство, которое символически объявляет себя христианским, теократическим государством, есть самое плохое, самое зловердное для судеб христианства государство. Мы русские должны молить Бога, чтобы у нас больше никогда не было «православного государства» и жить надеждой, что подобное несчастье никогда не случится. Нужно предпочесть государство, которое преследует, государству, которое подкупает и превращает в орудие. Лучше всего нейтральное государство, которое дает свободу, не будет гнать христиан, но не будем им и покровительствовать, не будем позорить христианской символики делами, ничего общего с христианством не имеющими. Необходимо перейти к христианскому реализму, к реальному осуществлению христианства в жизни. Реально наиболее христианским будем наиболее человеческое государство, которое будет менее убивать, менее казнить, менее оставлять голодными. Не имеет никакого значения риторика, провозглашающая что-либо христианским. Риторика погубила христианство в мире. Христиане должны стать не на сторону тех сил и течений, которые признают себя «христианскими», это носит чисто словесный характер, а на сторону тех сил и течений, которые реально защищают духовные и человеческие ценности — правду, свободу, справедливость, милосердие, христиане должны их и признавать христианскими. Это значит, что церковь должна разорвать всякую связь с социальными силами, которые проникнуты волей к господству, являются угнетателями, защищают несправедливость. Церковь не может предлагать своих услуг тем, которые борются за свои классовые интересы и привилегии. Это, казалось бы, вопрос элементарный, о котором почти неловко говорить. Осуждение папой расизма и антисемитизма, защита достоинства человеческой личности служит делу христианского возрождения. Защита католиками генерала Франко и его борьбы губит христианство. Христианство стоит над бездной и наступает решительный час, час выбора, — может быть, самый решительный час в христианской истории. Если христиане и христианские общества не порвут с тем своим прошлым,

которое было изменой, превратившейся в традицию, если по-прежнему будут практиковать бессовестный конформизм и защищать интересы клерикальные, если будут поддерживать неправду, то христианство начнет увядать в мире, оно будет сжиматься до очень малого числа. Мы живем в эпоху духовно-реакционную, возненавидящую свободу, жаждущую насилия и потерявшие совесть католики и православные фашистского типа могут на короткий час восторжествовать. Они будут поработены и в конце концов им грозит бесславная гибель. Их гибель меня мало интересует, но интересует судьба христианства в мире. Эта судьба зависит от реализации христианами всяческой правды, от победы реальной правды над условно-символической ложью.

Николай Бердяев.

Четыре портрета

С точки зрения демократически-обывательской, современная картина мира могла бы быть изображена очень обычным образом: некий страшный дракон, как бы трехглавый удав, стережет невинную царевну, попавшую к нему в плен. Все три головы дракона караулят каждое ее движение, неотрывно смотрят ей в глаза. Могущество дракона безмерно, — одним движением он может уничтожить царевну, зачаровать ее взглядом, задушить кольцами своего тела, уязвить своими отравленными жалами. Царевна же невинна и бессильна. Избавителя у нее нет. Она во власти дракона. Дракон должен вызывать ужас и ненависть, царевна, — сочувствие и любовь. Но никакая ненависть не может обессилить дракона, никакая любовь не может спасти царевну. Разве только, что она немного перевоспитается по драконьим способам воспитания, сама, так сказать, одраконится. Или разве что драконы головы начнут пожирать одна другую, и так и изойдут во вражде сами к себе, в припадке самоистребления. Карти-